

ЖОЖОЖ

Первая школьная четверть неумолимо ползла к концу, и это радовало. Однако вместе с каблуками на мой маленький городок семимильными шагами надвигались ноябрьские холода. Зарядили унылые серые дожди и октябрь с его огненно-кружевным листопадом медленно, но верно уходил в небытие. Огромными прыжками, перелетая через лужи, я, наконец, добежала до кофейни.

— Двойной капучино, пожалуйста. И шоколадное пирожное.

Обожаю эту кофейню. Она маленькая, очень уютная и какая-то вся коричнево-шоколадно-вкусная. Официантки меня знают. Их тут, кстати, всего две. Одной все время нет на рабочем месте, а вторая постоянно что-то читает. Сегодня, к примеру, Анну Гавальду «Просто вместе». Она высокая, тощая, с темно-каштановым каре, очень впечатлительная и рассеянная. Девушка принесла мой заказ и негромко звякнула ложечкой.

— Привет. Опять строчить будешь? — улыбнулась она.

Я кивнула. Я в общем-то затем сюда и прихожу, чтобы просто почитать интересную книжку или сделать в личном дневнике очередную запись. Ну вы только представьте: пахнущее вкусной выпечкой маленькое кафе, мягкий свет желтых светильников, одноместный столик в самой дальней нише у окна с видом на беспросветно-серый от дождя парк. И тетрадка у меня очень хорошенькая, она еще прабабушке от ее матери досталась. Бежевый бархатный переплет я украсила кожаной полочкой по краю и приклеила три рыжих перышка. В книжице были чуть пожелтевшие от времени, чистые, похожие на пергамент, страницы. В дневнике никогда не писали, как бабушка говорила, не хотели такую красоту портить. А потом, в день моего пятнадцатилетия, он достался мне.

Привычку здесь сидеть я завела не так давно. Примерно месяц назад мы с подружками зашли сюда, точнее, ввалились промокшей, очень шумной и веселой толпой. Как только перестали стучать наши зубы, мы подняли такой хохот, что нас едва не выпроводили. С тех пор и хожу.

В дневничке пишу всякую всячину, в основном романтический бред. Что-то о теплых свитерах крупной вязки, мягких, пушистых котах и сильных руках кого-то очень хорошего. Нет, только не подумайте, я — не одна из тех бездарных графоманок, чьи глаза подергиваются поволокой при слове «стихи». Я просто записываю свои мысли. Может, это глупо и бесполезно, но это — часть меня. Наряду со старыми вытертыми джинсами, Knocking on heaven's door на звонке и торчащими из-под шапочки полурасчесанными лохматыми кудрями.

Вот и сейчас: *«Интересно, Топтыгин высох? Надо было на батарею посадить. И цветы полить. Ну вот, да же в дневнике пишу про быт. Ну где же сказка?! Где золотистая пыль, любимые серые глаза, пикник на крыше?! Это, наверное, оттого, что парни — это просто парни, а не гибриды Аполлона и романтика, каких ждут все девочки. Может быть, это неправильно. Да только я не хочу до конца признаваться себе в том, что то, что есть сейчас вокруг меня, — это та самая жизнь, которую я буду жить до самой смерти! И ничего не изменится, никто не придет, «лишь на час опережая рассвет», никто не прошепчет на ушко «Ты самая лучшая», невзирая на прыщи на лбу, жутко торчащие волосы и пяток лишних килограммов, никто не подхватит на руки, чтобы не топала по лужам. Жалко...»*

На этом радость меня покинула, и я уставилась на продрогший, мокнувший под дождем парк. Там на одинокой кованой скамье сидел, не обращая внимания на дождь, молодой человек лет двадцати в сером твидовом пальто. На вид он был очень худым, острые локти спрятанных в карманы рук упирались в спинку скамейки. Темные волосы мокрыми сосульками нависали над длинным носом и поднятым воротом. Меня очень удивило, что парень не дрожал и даже не ежился.

Рука с зажатой в ней ручкой забегала по странице: *«...Странный какой-то. Сидит, словно и не сырость вовсе, а тепло и солнышко светит. Жаль, я глаз не вижу! А может, он ждет ко-*

го-то?! Девушку, например... или ему очень плохо и он вышел погрузиться. ...А может...» — мысли роились в моей голове, как стая изголодавшихся по интересностям пчелок. Предположения сменялись одно за другим, и вот этот «таинственный незнакомец» уже красавец-вампир, чьи жертвы до последней капли крови любят его всем сердцем. Или мучающийся в поисках вдохновения поэт. Когда я вновь повернула голову к окну, его уже не было. Дождь тоскливо заливал пустую скамью, сквозь стук капель пробивалась мелодия тихой грусти и несбыточных мечтаний. Я отхлебнула латте из большой чашки и отчего-то уныло принялась за пирожное.

Опять дождь. Мама в командировке, девчонки в делах, а я без присмотра. Третий день подряд из окна кафешки наблюдаю за тем твидовым парнем. Он появляется так, что я не замечаю, как он пришел, и уходит в никуда, ступая по лужам до блеска начищенными черными туфлями. В самый сильный дождь и пронизывающий ветер он сидит полурасслабленно, подпирая острой коленкой пелену сырости, задумчиво смотрит куда-то вдаль и, даже не подозревая, рождает в моем мозгу сотни идей, а в сердце сотни противоречивых чувств.

«Такие уж мы создания — девчонки. Нам для счастья нужно только одно: загадочный объект. Вот тут уж точно — разгуляй душа! И почувствуешь ему, как брошенному влюбленному, и побоишься его, как страшного маньяка, и влюбиться успеешь, приписав ему все мыслимые и немыслимые положительные качества!..»

Я опять сидела за своим любимым столиком, грея руки о большую кружку горячего шоколада. Сегодня был последний зачет по истории и классный час. Завтра каникулы. Эээ... ура?! Да вот как-то не очень. Ура будет, когда я пойму, куда делся мокро-симпатичный объект моего наблюдения...

Звякнули колокольчики на входе в кофейню. Я широко раскрыла глаза от изумления: Он направился к соседнему столику. С промокшего пальто капало, как с крыши весной, мой «дождливый маньяк» тряхнул головой, от чего брызгами задело даже меня. Глаза у него оказались серые. «Серые, как плачущее небо», — пришла на ум строчка из какой-то стародавней песни.

— Черный, без сахара, пожалуйста. — Мягкий, но вместе с тем четкий, низковатый голос. Ничего особенного.

— Минуточку...

Первой мыслью было подойти и спросить, зачем он все время сидит в парке. Но потом...

«Ну что я ему скажу?! "Привет, я уже три дня пялюсь на тебя отсюда, может, скажешь, что ты на той скамейке забыл?" Или соорудить из себя

розовую курочку и подсесть познакомиться?! Не, эта роль у меня выходит хуже всего...»

Пока я собиралась с духом, ему принесли кофе. Парень, откинувшись на стуле и с видимым удовольствием вытянув длинные худые ноги, пригубил маленькую чашечку. Когда я, наконец, решила, тоскливым голосом Натали Мерканти заскулил телефон.

— Але, привет, мам... Да, мам, все нормально... Три четверки: алгебра, физика, химия. Угумс. В кафе сижу, хорошо, поем. Ты как? — Пока мама рассказывала о своих делах, твидовый молодой человек допил кофе и, расплатившись, спокойно направился к выходу, сверкнув напоследок стальными глазами. Тут бы мне взопить «Стой!!!» и бежать за ним, но бросить трубку в разговоре с моей матерью было равносильно добровольному самоуничтожению. — Не-а, потом заберу... Ооо черт! Нет, мам, это я не тебе...

До конца каникул оставалось ровно два дня, и погода, как назло, стояла великолепная. Почему как назло?! Да потому, что, когда светило солнце, мой предположительный поэт и не думал заявляться в парк. В понедельник я весь день прождала его на той скамейке, но тщетно...

«А может, он как-то узнал, что я за ним слежу, и решил спрятаться от меня куда подалее?! Будто нарисованную цель ластиком стерли — жить как-то скучно стало. Хожу туда каждый день, как дурочка распоследняя... Ну почему так долго несут кекс?! Сладкое, оно ведь не только от грусти, оно и от досады помогает!..»

В тоске я повернула голову направо, привычно скользнув взглядом по пустой скамейке. И тут невдалеке от нее я увидела знакомое серое пальто. Во мне словно пружина выстрелила: я вскочила, содрала с вешалки куртку и бегом вылетела на улицу...

— Какая же я дуууура! — Я ныла у подружки на плече, вытирая платочком слезы. — Как я могла его оставить?! Идиотка...

Рванув тогда что было мочи за, как оказалось, несуществующим призраком, я оставила свой дневник в кафе. Когда вернулась, его уже не было. Официантка сказала, что не видела ничего похожего. Уже на полдороге домой я разревелась как первоклассница, посадившая на школьную блузку пятно. Неудивительно: два года жизни и память о бабушке валяются сейчас где-нибудь в помойке. Все мои чувства, каждое ощущение, любимые фразы, хорошие мысли — все это пропало, словно и не было вовсе первой влюбленности, первых серьезных разочарований, прочитанных книг, прожитых дней... Часть меня исчезла бесследно. Потому и рыдала. А вот Ленка не понимала, чего я так убиваюсь уже второй день:

— Да ладно тебе, тетрадка, красивая, но плакать-то зачем?!

Не знаю, что на меня нашло, но я вспылила и убежала от нее.

Долго шла куда глаза глядели и себя накручивала: «Дневник посеяла, друзьям до моих бед по барабану, мама в отъезде, парня у меня нет, не жизнь, а мусорная свалка!!!» — бухнулась на ближайшую лавку и, хлопнув носом, опять разревелась. Внезапный голос заставил поднять растрепанную голову:

— Девушка, подвиньтесь, пожалуйста, вы на моем месте сидите.

Я в удивленном шоке открыла рот, потому что рядом стоял, засунув руки в карманы твидового пальто, тот самый любитель сырости. Я послушно отъерзала на дальний край скамейки и только потом заметила, что все вокруг заливает частый крупный дождь.

— Позвольте спросить, почему вы так плачете? — осведомился парень.

— Дневник потеряла, — промямлила я. Мой собеседник пошарил рукой во внутреннем кармане пальто и вытащил что-то:

— Этот? — Он протянул мне мою тетрадь.

— Да... — неверящим взглядом я вперилась в книжицу, а потом прижала ее к себе. — Спасибо... А откуда он у вас?

— Позволю себе дерзость не отвечать на этот вопрос. У каждого могут быть свои тайны, не так ли?!

Я опустила глаза, потому что этот человек только что процитировал фразу из моего дневника.

— Вы любите стихи? — спросил он и, не дождавшись ответа, сказал: — Я люблю. Знаете, недавно услышал один очень хороший, точнее сказать, это песня...

И была их любовь, словно пламя костра на ветру,
Что погаснет под утро под мелким осенним дождем.
Пусть когда-нибудь в песне счастливой поэты
соврут,
Но я знаю, лишь миг, только миг они были вдвоем...

Я тоже знала эту песню. Только Тем Гринхилл пела не «миг», а «день». Я подняла голову, чтобы поправить своего собеседника, но... Его уже не было рядом. Не было в парке, на улице. Не было в городе. Я отчего-то это знала, как знала и то, что больше он никогда не придет. А жаль.

М. Велтистов. Изумрудная сосна на даче